

СЕРГЕЙ ЧЕРНОПЯТОВ

СЛОВНО РОДОМ БЫЛ ИЗ РАЯ...

С Т И Х И

**Кемерово, 2017
РПА «Ректаймс»**

ББК 84(2Р=Рус)6

Ч-49

Чернопятов Сергей Васильевич.

Словно родом был из Рая...: Стихи./ С.В. Чернопятов. – Кемерово: РПА «Ректаймс», 2017. – 92 с.

Сергей Васильевич Чернопятов родился в городе Кемерово в 1956 году. После десятилетки учился в ГПТУ-3 по специальности «электрослесарь КИПиА». Служил в армии связистом. Работал аппаратчиком на химических предприятиях, пожарным. Многие годы посещает литературную студию «Притомье». Подборки его стихов неоднократно публиковались в журнале «Огни Кузбасса» и другой периодике. Женат, имеет двух дочерей, внучку и двух внуков. Стихи Сергея незамысловаты, но проникновенны и доходчивы – и для искушенных читателей, и для всех, кто возьмёт в руки эту книгу. А в её авторе нетрудно разглядеть и мудрость старца, и восторженность мальчика. «Словно родом был из Рая...» – первая печатная книга кемеровского поэта.

Составитель-редактор – **Виктор Арнаутов**

Обложка – **Светлана Янченко**

И МУДРОСТЬ СТАРЦА, И ВОСТОРГ МАЛЬЦА

Без оглядки назад, пожалуй, нельзя в полную меру постичь и оценить и современность.

Тем более, если тебе уже за шестьдесят. Есть что и с чем сравнивать.

И почему-то наиболее ярким и светлым вспоминается своё детство. А у многих нынешних шестидесяти-семидесятилетних людей – поколения родившихся и выросших уже после большой войны, детство было далеко от сытого и радужного.

Вот и у автора этого сборника стихов, Сергея Чернопятова, в детстве не было нынешней избалованности и обеспеченности. Послевоенные семьи, как правило, являлись многодетными. И откуда было набраться на всю «ораву» новой обуви и одежды? Младшие, нередко даже стыдясь, донашивали то, из чего уже успели вырасти их старшие братья или сёстры.

Хуже всего, если мальчику приходилось донашивать одежду сестры. Вот и у пятилетнего Серёжи было такое «красное пальто и капюшон в горошек» – в «наследство от сестры»... В память врезался и так манящий вкус загадочного «какава» постояльцев-«фатерантов», хранящегося в «холодильнике». Ну, и как тут было не послушаться строгого наказа бабушки: «не прикасаться» и не попробовать запретного плода?

А игры на улице в зимние каникулы с друзьями? Да так, что после них худая одежонка была словно «скафандр, сшитый из ледовой корки», который нужно ставить к духовке, а не вешать в шкаф. И неподдельная зависть дружкам – Севке с Вовкой, у которых отец был моряком, а свой – всего лишь «у ворот заводил самосвал»...

Послевоенные дети росли неизбалованными, как нынешняя малышня, в строгости родителей. «Я кому сказала?!» – было незыблемо и обязательно к исполнению, попробуй, послушайся...

Какому малышу не хотелось иметь в ту пору четвероногого друга? Игрушек-то: раз-два, и обчёлся. И сколько же неподдельной радости было и у Серёжи, когда какой-то «дядька на

скамейке» продал мальчонке беспородного щенка! «Девяносто три копейки стоил мне мой лучший друг».

А первая влюблённость, ещё неосознанная, инстинктивная. В кого? Да в первую учительницу, когда в свои семь лет в ней впервые увидел Женщину. И стыдно даже после, когда сам уже дважды стал родителем, было признаться в том своей маме. А потом – потом «под вечер танцы в клубе и медяк с девчонкой рыжей». И ностальгия по шальной юности в эпоху «социализма с человеческим лицом»...

Как же быстро мы взрослеем! И почему-то, будто в компьютере, какой-то вирус стирает из памяти, или архивирует целые десятилетия, в которых были и годы службы в армии, и женитьба, и работа, и рождение своих детей; их учёба и взросление... И лишь с появлением своих уже внуков вдруг говоришь себе: «Стоп! Остановись, мгновение!» И, как киноленту, начинаешь прокручивать всё в обратном направлении. И вспоминается своё детство, родители. Или бабушка – так долго идущая к двери, и до боли уже хочется вернуться хотя бы на миг и «уткнуться лицом в бабушкин фартук»...

И уже новой любовью заболеваешь – к своим малолетним внукам. Или к чужим, детсадовским: дед пенсионер вынужден подрабатывать к своей малой пенсии ночным сторожем. И сколько же сочувствия в стихах к тем детсадовцам-мальшам, которых забирают последними... А сколько восторженного счастья у деда (ну, как у ребёнка), когда «лишь порадуется рассвет осколком денег пенсионных» – и уже мчатся дед с внучкой «вздохматить пятисотку» – на аттракционах! И дед, глядя на летящую на карусели внучку, сидя на лавочке, уже сам, словно в своём детстве, представляет себя лётчиком!

Что больше всего страшит и пугает нас, шестидесятилетних, вышедших на пенсию? Нет, даже и не здоровье, которого к этому времени не так уж и много. Невостребованность и одиночество! Вот и ищем компенсацию и утешение в своих внуках, в книгах, сочиняя стихи или рассказы. Или в подработках, хотя бы и ночным сторожем. Вот и скрашивает одиночество и помогает коротать время какой-нибудь приبلудный кот – «четверо-

лапый друг с янтарными глазами, который в детсаду нести охрану помогал»...

Детство и детскость. Мудрость старца и восторг мальчика – вот что пронизывает почти все стихи Сергея Чернопятова.

А познакомился с его стихами я, как член редколлегии журнала «Огни Кузбасса», ещё в 2009 году, когда в рубрику «Литературная студия» мы поместили подборку его стихов «Мне опять видение...». А в следующем году появилась подборка стихов Сергея «Долгожданного марта аванс» – уже в основной рубрике журнала «Поэзия» – с фотографией автора и краткой биографической справкой внизу страницы. То же произошло и в 2012 году, когда была напечатана подборка стихов «Социализм с человеческим лицом». Попасть в основную рубрику журнала из «Литературной студии» – это уже формальное признание творческого роста автора. Немало, видимо, способствовало этому и то, что Сергей Чернопятов – один из давних и постоянных участников литературной студии «Притомье», действующей при Союзе писателей Кузбасса.

А ещё, более чем напечатанные, меня поразили и тронули стихи в авторском исполнении – со сцены на лесной поляне поэтического фестиваля «Юго-Александровский родник»! Было это лет пять назад. Тогда, помнится, Сергей даже стал лауреатом или призёром поэтического конкурса. Ещё ближе и понятней стал он для меня, когда в его руках оказалась семиструнная гитара. И было столько много общих песен – от песен нашего детства и юности и до любимых бардовских...

Минувшая Отечественная. Год от года она всё дальше и призрачней. Моё поколение её не застало. Зато нашим отцам и матерям (не говорю уже про бабушек и дедушек) военного лихолетья испытать довелось с избытком. И как дань тому времени и им, не можем обойти мимо эту тему и мы. Эхо войны – в рассказах и видениях. Будь то блокадный Ленинград, где была девочкой мама Сергея, или оккупированное немцами отцовское Заволжье. И напишет Сергей стихи, посвященные родителям: «Я вижу город Ленина зимой сорок второго» – блокаднице маме. А это – уже отцу: «Папе врезалось до гроба: «Матка», «млеко», «брут унд яйко». И ещё то, как под хохот фрицы резали

корову, и то, как посаженный в мае овощ – «с минами взрыва-ясь, на снегу весь исковеркан». А ещё – уже из памяти самого Сергея – учитель-танкист, рассказывающий своим школьникам, проходившим на уроке тему войны, – да так, что они слышали «и гусеницы лязг, и с матерком рычание мотора»...

Своеобразно передана в стихах Сергея Чернопятова и тема Первой Отечественной войны – войны 1812 года, посвященная 200-летию победы в ней. Решена эта тема в виде письма француза-завоевателя, мародёра, награбившего коляску «трофеев», своей сестре из Гренобля. Этот чужестранец-завоеватель восторгается видом горящего ночью русского города. Но возмездие неизбежно, финал известен...

И как ненавязчиво, всего одной строкой, перекидывается мостик от наших Отечественных войн – к войнам современным, пусть и локальным, но не менее трагическим. Сергей вспоминает, с каким мальчишеским задором и азартом смотрели мы в юности фильма про индейцев, где главную роль играл югослав Гойко Митич. И вот теперь – у этого Гойко-могиканина – «горят вигвамы в Косово огнями неэкранными»...

Зачем всё это? Да для того, чтобы нынешние швондеры не пытались переписать и переиначить историю; чтобы не оскверняли и не сносили памятники героям, как Николаю Кузнецову, не обливали словесными помоями Зою Космодемьянскую или Александра Матросова; чтобы не лапали своими грязными воровскими руками Севастополь и его защитников. «Не тронь Севастополь, там горе и слёзы!» – восклицает Сергей Чернопятов.

Нет, не был бы поэт поэтом, если бы только брюзжал и сентиментально погружался в своё ностальгическое прошлое. Видеть болезненные и кровоточащие язвы и раны нынешнего и врачевать их стихами – вот удел настоящего писателя.

Героическое прошлое и смрадное настоящее. Как тут не печалиться поэту, видя и переживая все несправедливости и всепобеждающую власть золотого тельца? Тут нужно не нытьё слабосильного и слабовольного, а сильный и громкий голос – голос публициста, голос поэта-гражданина.

А таковым, к счастью, мне и видятся и сам Сергей Чернопятов, и его стихи. Его стихи – своеобразный протест – и против того, что «наше место жизни» стало «зоной риска». И против того, что мужчин-педагогов безжалостно выкашивают из школ «литовкой издевательской зарплаты». И как тут не отдать должное «Дон-кихотам» в юбках – будь они в школах, или в отделах, за жалкие гроши борясь с детской беспризорностью или преступностью. Или как тут не противиться стяжательству и наживе «душегуба и людоеда» – «человеческому фактору», безжалостно пожирающему шахтёров...

Стихи поэта – это ещё и боль за вымирающую, спившуюся и опустевшую деревню, где в заметённых улицах нет даже тропинок к избам, где «в печурку ушла городьба», а «на продавленной койке вздыхает вековая российская грусть». Очень показательно в этом отношении и ещё одно небольшое стихотворение, написанное в виде своеобразной полемики, диалога, всего то из 8 строк: «В этом городе снег несъедобный». А где же он «съедобный»? В деревне и в сёлах, – утверждает оппонент. «Только там его некому есть...».

И как тут не запечалиться и не захандрить простому обывателю? Однако поэт верит в пробуждение и в возрождение, что, как в природе, так и во всей России, после осенней грязи, слякоти и сырости:

«Ладони метелицы злой
Всё отстирают за зиму,
Замоченное белизной»;

Верит, что уже весной, сквозь прошлогодние кусты крапивы и чертополоха пробьются зелёные ростки и зацветут тюльпаны. И тогда вопрос «Для кого ты цветёшь?» будет уже риторическим. Почему? Да потому, что по «рыжекудрой осени», увидав в голубом небе стайку уток, спорхнувшую с озера-аэродрома, пересчитав взлетевших и летящих, убедиться и порадоваться: все летят, «кого яйцами знал по весне»!

И ещё одна сквозная тема в стихах Сергея Чернопятова – книги и чтение. К ним, книгам, с раннего детства он относился трепетно и благоговейно. С той самой поры, когда он (или она)

взаимно предложили: «Давай дружить». А уже от дружбы и до настоящей верности и любви – рукой подать. И любить – на всю жизнь, не поддаваясь на соблазны и измены новомодных телевидения и экранов компьютеров – как легкодоступных дам по вызову.

Книга для Чернопятова и его лирического героя – не только надёжная подруга и любовь, но и умный собеседник и даже оппонент. А у книг, кроме содержания и своих героев, есть ещё и авторы – их создатели-творцы. Вот и размышляет, разговаривает через свои стихи поэт Чернопятов –то с самим Пушкиным или его дядькой Никитой Козловым, то с Лермонтовым... А помимо них – целая когорта – наших и зарубежных классиков: Жуковский, Тургенев, Некрасов, Чехов, Маяковский, Гранин; Флобер, Дюма, Стендаль... И как же тут не отчаиваться и не сокрушаться, видя повсеместно, что судьба многим книгам уготовала позорную участь «бродячих книг, мёрзнувших у мусорных бачков». И как же хочется надеяться, что отыщется дом-приют, «в котором приютят молодость бумажную мою»...

А от писателей-авторов – уже и прямые дорожки к героям их творений. И опять – споры и размышления. Всё ближе и ближе Сергей подбирается уже и к своему, родному... К кому? Да к нашим современникам, к кузбассовцам, к их литературе и даже к... журналу. «Огни Кузбасса» – они зажглись в далёком послевоенном 1949 году, когда ни меня, ни Чернопятова ещё и на свете не было.

И ведь так написать об этом журнале, который приютил и стайки его стихов, мог далеко не всякий. Да, пожалуй, и мысль такая могла прийти в голову только ему. Будто готовился он к публичному обсуждению годового комплекта журнала. Да так обобщённо, ёмко и точно – о каждом номере – как о персоне. Не удержусь, не приведу здесь характеристику хотя бы первого номера годового комплекта:

«Первый номер подан
К праздничным салатам,
Пахнет Новым годом
Или Днём солдата».

И вот так – о каждом из шести номеров – лаконично, но содержательно. А ещё у Сергея есть стихотворение, посвященное своему тёзке – главному редактору, или как он называет того – «кормчому», мудрому Учителю, с которым «скромности пленник несчастный» удостоился посидеть вместе за кружкой пива. А, осмелев, поинтересоваться, словно невпопад: «Вы шляпу купили в Париже?». И услышать в ответ: «Нет, в Каннах».

Завершить своё обзорное предисловие к книге Сергея Чернопятова мне хотелось бы ещё парой строк из его же стихотворений – строк, на мой взгляд, квинтэссентных.

Всё написанное им смотрится через призмы прошлого и настоящего. И какие бы ни случались на его пути жизненные невзгоды и передраги, поэт будет утверждать, что он – «словно родом был из Рая»!

И ещё все стихи его – это своеобразный отчёт, как на встрече одноклассников, которым их старый Учитель задал одну и ту же тему для сочинения «Как я провёл сорок лет».

Прочитав стихи из этой книги, уверен, что всякий, как и я, сможет утвердительно сказать: «Не напрасно!».

Виктор Арнаут – член *Союза писателей России*.

Кемерово, февраль 2017 г.

СЛОВНО РОДОМ БЫЛ ИЗ РАЯ...

*Посвящается любимым внукам –
Арине, Гордею, Максиму*

Я САМ СЕБЕ ЮНЫМ ПРИСНИЛСЯ...

Я сам себе юным приснился,
И память стыдом обожгла:
Как я на бабулю сердился
За то, что к двери долго шла!

Больною ногой запинаясь
О старенький половичок,
Свой слух никудышным ругая,
Она поднимала крючок.

Сказала с любовью и болью,
С любовью, что вся для внучат:
– Случится, что я не открою,
Как долго бы ты не стучал.

Сейчас бы я полз, как Маресьев,
Чтоб детства загладить вину!
Сейчас бы машину Уэллса,
Хотя бы на десять минут!

В тот день и в тот век не вернуться,
Но мне бы – лишь миг той поры...
Чтоб в бабушкин фартук уткнуться,
Так долго идущей к двери.

Сентябрь 2014 г.

Зимние каникулы

Румяных горку шанежек настряпав,
Ваяет бабушка для скатерти узор.
А я пытаюсь с книжкой под лампой
Помочь покрасить Тому Сойеру забор.

На Миссисипи отыщу фарватер,
Забыв за окнами Рождественский мороз
Спасу от линча бедного мулата,
Решая сходу Афро-Штатовский вопрос.

Нет лучших в мире красок для каникул
Чтоб в них вместилась эта радость выше крыш,
Как написать тот снег, что за ночь выпал,
В который ты с зарёю утренней летишь.

Лишь в сумерках тяжёлою походкой
Через порог перешагнёшь, как космонавт.
Скафандр, сшитый из ледовой корки,
К печной духовке ты поставишь, а не в шкаф.

Снова память не о том
Голову тревожит:
Вспомнил красное пальто,
Капюшон в горошек.
На груди огонь-цветок
И воздушный шарик...
Как носить такое мог
Пятилетний парень?

Наши старые дворы
Так ехидны в детстве,

Не хотел я от сестры
Этого наследства!
Не оспорить маму мне
У доски с корытом,
Был бы главное в тепле
Чист, сухой да сытый.

Кот запрыгнул на сервант,
Там всё лучше видно!
Знает, зрелища, гурман,
Будет вновь коррида.
Как глаза его горят
Пуговики-стекляшки!
Обставляю маму я
Снова в догоняшки.

У стола. За кругом круг,
Ловкой я пробежкой
Ухожу от крепких рук
С красною одеждой.
Но наряд девичий взял
В плен меня в прихожке...
В догонялки проиграл
Маме понарошку.

А потом с крыльца прыжок,
До собачьей будки,
Не узнав меня, щенок
Зарычал, как будто.
Рву калитки шпингалет,
Раздеваясь разом!
Ярких пуговичек нет
Вырваны все с мясом!

За оградой не юг –
Снежная пороша,
С головы ей отдаю
Капюшон в горошек.
И уже догнать меня
Сможет только выстрел!
Носит улица моя
Имя «Декабристов»...

Безотцовщина

Помнишь ночь, сестрёнка?
Мы под одеялом,
А за стенкой тонкой:
«Я кому сказала?!»

На часах двенадцать,
За стеною страшно...
Там ремень солдатский
Со стальной пряжкой.

Убежать от мамы
Дело не простое –
Долгоногой дамы
С хваткою рукою.

Резкий звук со свистом
Но нет воплей взрыва,
Значит, Саня быстрый
Вновь ушёл с отрывом.

Плюшевая скатерть
С жёлтой бахромою,
Места нет без вмятин
Пряжки со звездой.

Круглый стол-спаситель
С ножками резными,
Ну, поймай, родитель,
Нас, детей, меж ними.

Нет давно в помине
За стеною Сашки,
Но летит по жизни
Его мама с пряжкой.

Помниться в курсантах
Взвод просил привала,
А на лбу сержанта –
«Я кому сказала?!»

Не было зарплаты,
Пряжка прилетала...
И звучит с эстрады:
«Я кому сказала?!»

Всё идёт по кругу,
Пусть года иные...
Где ты, стол мой круглый
С ножками резными?..

Февраль 2012

Какава

Часто жили у бабушки люди –
«Фатерантами» их называли,
Фатеранты давали бабуле
Каждый месяц по десять рублей.

Белый шкафчик был у фатерантов,
Очень гладкий и весь-весь железный –

«Холодильник», – мне баба сказала,
Называется ящичек тот.

И добавила строго-престрого:
– К холодильнику не прикасаться!
Я не трогал, но стул рядом ставил,
Чтобы ручку его мне достать.

Посмотрю лишь одним я глазочком,
Что там есть, да и сразу закрою,
И успею по попе от бабы
Мокрым веником не получить.

Там на полочке самой высокой,
Слаще мёда, конфет и варенья –
С шоколадным названьем «какава»
Банка донышком ярко блестит.

Говорю себе: «Мама мне купит,
Когда ей отдадут всю получку, –
Открывая холодную крышку,
Только пальчик засуну разок.

Не до донышка, а с ноготочек
Ничего и никто не заметит...»
Почему стала банка пустая,
Может, не было там ничего?

Фатерантов тех не было долго,
С темнотою они приходили,
Называли всё что-то «шарагой»,
Что неплохо бы перекусить.

К холодильнику прямо с порога
Шли, открыв его, всё удивлялись,

И глядели так грустно на бабу.
Баба сразу искала меня...

Ну, а я уже был под кроватью.
Тихо-тихо сидел, ну, как мышка,
Ждал, когда про какаву забудут,
И подслушивал, что говорят.

Скоро стало под койкой не страшно,
За столом наверху все смеялись,
Это баба картошку на сале,
Приготовила в сковороде.

Став седым, захотелось стократно
Детский долг свой вернуть мне тем людям,
Но, увы... нет в живых фатерантов.
И какавы такой не найти.

Я у дядьки на скамейке
Взял щенка из синих рук.
Девяносто три копейки
Стоил мне мой лучший друг.

Не боксер и не ротвейлер,
На груди моей визжал,
Но со мной любой Рокфеллер
По богатству б проиграл.

Расстегнув рубашки ворот,
Мордой к сердцу положил.
Он сейчас – комок у горла,
А тогда комочком был.

Он один слезе горячей
На щеке моей внимал
И отцовскую заначку
Из подстилки вынимал.

Выйду в старую аллею,
Может быть, совсем не зря –
Мне сегодня семь копеек
Не хватает до рубля.

Отодвинув привычно штакетник,
Голопузый ко мне лезет друг.
Прижимая к груди, пять ранеток –
Всё, что дал самый низенький сук.

Между грядок прошли косолапо
Мы за баню малины порвать.
И рассказ он вчерашний о папе –
О подводнике стал продолжать.

Открывал мне военные тайны,
Поглощающий ягоды рот:
О незримом своём капитане,
Прославляющим подвигом флот.

Моряком был отец Севки с Костей,
А Валеркин – во льдах замерзал.
Только мой, ну совсем не геройски,
У ворот заводил самосвал.

Почему я, имея машину,
Слушал, веруя лучшей из вер:
Как мою уплетая малину,
Заливает мне юный Жюль Верн?

Моей первой учительнице

Я маме выдал свой секрет,
Когда сам дважды стал родитель,
Что в школе я, в свои семь лет,
Впервые Женщину увидел.

Не за стиральной доской,
Не с чугуном и не с ухватом,
Не в бигудях, в глазах с тоской,
В халате стареньком, помятом.

Из книг ли вышла, не спеша,
Из детских сказочных картинок?
От трона ль царского сошла,
Походкой с грацией старинной?

В волос короне золотой,
В бордовом платье строгом с брошью,
Погладив ласковой рукой,
Произнесла: «Пиши, Серёжа».

И я писал, иль делал вид,
Что ставлю палочки с наклоном,
А темя до сих пор хранит
Тепло той царственной ладони...

Акулы, спруты, голубые скаты,
Лагуны изумрудных островов,
Ладоней кожа рвется о канаты,
Под выдохи звереющих штормов.

И бригантина, материк минуя,
С фортуною давно порвала нить,
Кто наскочить на рифы не рискует,
Тому и ром под парусом не пить.

И у штурвала не на жизнь, а на смерть,
С протезом, с попугаем на плече
Стоит он, и над волнами: «Пиастры»!
Сверкает слово ярче всех речей.

И я там был на вахте у канатов,
И в то же время в классе вел борьбу,
Корпел над скучным первым вариантом
Контрольной, про бассейны и трубу.

Решить задачу! Лучше уж казните.
На рее, чтобы был другим урок,
И в Сильвере мне виделся учитель,
Пиратом представлялся педагог.

Над рекою дом из сруба.
На чердак я лезу с книжкой.
А под вечер – танцы в клубе
И медляк с девчонкой рыжей.

Та, которую я в сенях
Целовал так неумело...
Было лето в наше время,
И весна в ручьях звенела.

Январь, 2017 г.

Я с детства не был ни юннатом, ни горнистом,
Моим вниманием Артек был обделён.
Но, прозвучавшим неожиданно, как выстрел,
Я словом «слёт» вмиг оказался опьянён.

От горна звучного над задремавшим лесом,
Или от «Зорьки пионерской» по утрам –
Оно пришло ко мне в эпоху эсэмэсок ,
Давая пищу ностальгическим стихам.

Костры, палатки и серебряные струны...
Девчонку с косами напомнило словцо –
Всё, чем обязана моя шальная юность
Социализму с человеческим лицом.

*«Дождик, дождик, пуще лей –
Будет травка зеленой!»
(Детская кричалка)*

Эти звуки, лечащие душу,
Досыта когда же насладят?
Вот и снова на заре разбужен
Шепотом июльского дождя,

Тёплого, грибного, что стеною
Занавесил с улицы окно,
И текут берёзовой корою
Капли в сердце знойное моё;

Из больших божественных пробирок
Я прошу с запасом мне налить,
Ни в одной земной аптеке мира
Снадобья такого не купить!..

С крыши хлещет в бочки без рецепта
И бесплатно влага в три ручья.
Нет, не зря небесным фармацевтам
Громче всех молился в детстве я.

Где друг мой жил, не зная ностальгии,
Не появлялся я полсотни лет.
Но вот всё чаще, чаще вижу сны я,
Как чинит велик мой дружок-сосед.

С которым мы под рамою катались,
Пока со звёздочкой дружила цепь,
Она слетала, за штаны цеплялась,
Блестела солидолом на лице.

Я наш покинул двор, а друг остался,
Как будто раньше истоптал весь свет.
Он точно знал, а я вот сомневался,
Что ничего морковки слаще нет!

Не вышло на земле его застать,
Лишь за забором псов рычания злые.
Я поздно захотел обнять места,
Где друг мой жил, не зная ностальгии.

Февраль 2016 г.

Бабочка

На бабочку сквозь микроскоп глядеть –
Не стоящее дело и не наше.
Ты дай ей над цветочком пролететь,
Взгляни, как она крылышками машет!

Да нет, не крылья это, а глаза
Раскрылись нежно над душистой мятой.
Растаяла, закапала роса
От теплоты доверчивого взгляда.

И я пытаюсь, пятась, не шуметь,
На цыпочках уйду к другой поляне.
Лицом к лицу – лица не рассмотреть,
Есть прелести свои у расстоянья.

Октябрь 2016 г.

БЕРУ УРОКИ У ВНУКОВ

Дед на каруселях

Опять обрадовал рассвет
Осколком денег пенсионных.
И улыбается вновь дед,
Со внучкой мчась к аттракционам.

Кататься в парке – тот же труд.
Кричит старик своей красотке:
На карусели наш маршрут,
Давай, взлохматим пятисотку.

Крутил бы сам над головой
Он облака, как акробатов,
Да не в ладу давно седой
С вестибулярным аппаратом.

Девчушку кружат, не спеша,
А дед, как в детстве снова лётчик,
Его на лавочке душа
Визжит от страха и хохочет.

Июль 2014 г.

В смешных потугах старость победить,
Уйти из поля зрения злой скуки,
Пластунский стиль пытаюсь воскресить:
Беру уроки ползанья у внука.

А для мальчонки это не игра!
Не печенюшку съесть и не конфету, –
Хватаясь за ворсинки от ковра,
Мой парень покоряет сантиметры.

Движения, как будто кто учил,
Хотя с рождения – всего полгода!
И я зажёгся, лыжи наострил
К игрушкам разноцветным у комода...

И к плечу пристроился плечом,
А домочадцы, наблюдая следом,
Любуются, как весело внучок
Показывает класс седому деду!..

*«Человек-паук – он всё может...»
(Из разговора с детьми)*

Я ещё охоч слегка
До игрушки каждой.
Человека паука
Мальчики мне кажут.

Как горят его шелка
Крылья, а не руки.
Дайте дети паренька
Дедушке на сутки.

Проникая сквозь века
Будем с ним трудиться,
Строить козни для врага,
Помогать любимцам.
Словом заново писать

Прошлой жизни пьесы.
Но ролей не раздавать
Никаким дантесам.

Повенчать бы, мой пострел
Пушкина сумел бы,
На Олениной–красе,
Анне Алексевне.

Чтоб дуэт из прочих пар
Самым был не скучным,
Чтоб Аннет ему – «Корсар!»
Он в ответ – «Драгунчик!»

У подножия Машук
Ни стрельбы, ни раны
Рада бабушка, что внук
Скачет к ней в Тарханы!

Не сочтёт за тяжкий труд,
Наш тандем проворный,
Прояснить: откуда бьют
Родники террора?

Провокаторам привет!
На одной из улиц
Потеряет пистолет
Верочка Засулич.

Я бы всё предусмотрел,
Как начальник штаба –
Порох в бомбе отсырел,
Что хранил Желябов.

Так с Хоттабычем вдвоём
Я резвился в детстве...
Почему-то не спасён
Был тогда эрцгерцог!

Но теперь с любой войной
Завязать сумел бы,
Чтоб осталось лишь одно,
Всех главнее дело.

Дальше в прошлое летим,
Чтоб связать Иуду,
Пусть он станет недвижим,
Предавать не будет!

Лишь игрушку дайте мне
Дети поскорее,
Чтоб забыться в сладком сне
В пьесе без злодеев.

Ноябрь 2014 г.

Те, кого забирают последними.

Грусть на лицах у девочки с мальчиком,
Опустела давно группа средняя.
Как старик со старушкой на лавочке,
Те, кого забирают последними.

Робот в варежках мальчика ёрзает.
Кукла к девочке все прижимается,
Пусть за ними пришли б только взрослые,
Им не надо кричать: «Что копаешься!»

Все завязки на шапках завязаны,
И на курточках кнопки застёгнуты,
И сидят они, будто наказаны,
Как игрушки их – куклы и роботы.

Будет всё же на улице праздник у них,
Скрипнет дверь – и улыбки победные!
И взрослеют вот только быстрее остальных
Те, кого забирают последними.

Я от него о жизни многое узнал:
То, что едой платить труднее, чем деньгами.
Мне в детсаду нести охрану помогал
Четырёхлапый друг с янтарными глазами.

Как в сказке старой, то налево он ходил,
Чтоб о подрузке рассказать урчаньем сонным;
Направо – кухня, там всё песню заводил,
Что заработался, устал, опять голодный...

Кот, как и я, порой, на вахте изнывал
От тишины, так оглушающе ревущей.
Тогда он лучшей в мире грелкой согревал
Меня, пушистым калачом тугим свернувшись.

Что человека он любого выше был –
Об этом знали в яслях маленькие дети.
И потому нечеловеческий схватил
Он срок за ёлку, на которую пометил.

И шито дело было, вынесен вердикт,
И вот уж бусинки-глаза в окне машины...

И в оправданье не был принят ни инстинкт,
Ни склад спасённых овощей от зуб мышиных.

А за окошком – пеленой январский снег.
И хоть мне очень одиноко вечерами,
Я греюсь мыслью, как готовит свой побег
Четырёхлапый друг с янтарными глазами.

Средь рощи берёз поседелых,
За стенами зданий старинных
Я знал, что отыщется дело
Для старого сукина сына.

Причудливы жизни маршруты.
Пройдя путь длиною в полвека,
В детсад я вернулся, как будто
Трёхлетним. Опять человеком.

Не балованным, а послушным
(Ведь сторож таким быть и должен).
И в комнате, полной игрушек,
Я на ночь у каждой заложник

Об этом в былом не мечтал бы,
Машинки любой я водитель,
И толпам скучающих барби
Единственный телохранитель.

Сквозь годы, что скрылись куда-то,
По-новой я в детстве воскреснул...
И девочка с розовым бантом
Мне дарит на утренник песню.

*«Чтобы писать –
нужно жить,
а не работать»
(Ирина Тюнина)*

Между жизнью и работой

На вечерней заре вновь родные спешат
В детский сад, за народом «большим»,
Только мне одному маму с папой не ждать:
Числюсь сторожем здесь я ночным.

И хоть я повзрослел далеко не вчера, –
Голове тесно от седины,
Остаётся одно лишь – играть до утра
Мне в героев прочитанных книг.

И в течение ночи я, – то Робинзон,
То затворник из крепости Ив,
То поэтом прикинусь, который влюблён,
Если звёзды подкинут мне рифм.

Так влачу до рассвета в кричащей тиши,
Я своё существо сквозь года.
Если это работа, тогда что же жизнь?
Если жизнь, что работа тогда?

Запоздалая покупка

Несмотря на то, что больно
Зреть в бюджет, в котором брешь,
Мне штаны купила Оля –
Производства Бангладеш!

Я блаженствую, ликую
У примерочной в плену!
Там в джинсину голубую
Ногу старую воткну,

И в карман ладонь пристрою,
В профиль на себя взгляну,
Незнакомому ковбою
В зазеркалье подмигну!

Мне б сейчас на танцы выйти,
С плеч стряхнув лет сорок пять!
Как мечтал в таком прикиде
Я «шис гару» танцевать!

Где ж вы юности подруги?
Ведь на мне такая вещь,
Все в заклёпках ярких брюки
Производства Бангладеш.

Декабрь 2016 г.

Печь затопив и папироской наслаждаясь,
Дед аэробику смотрел, не отрываясь.
И пепел стряхивая, морщился сердито,
Сквозь глаз картинку пропуская, как сквозь сито.

Картошку жаря, я над стариком куражусь,
Ехидничаю: – «Дед, слабо за ними так же?»
Седой на это мне ворчал, дымок пуская,
«Я с ними мысленно все взмахи выполняю».

Намедни сердце неспроста во тьме заныло,
На те же грабли, видно, память наступила.
Несу ночную вахту сторожем упорно,
На фоне модных и жестоких приговоров.

Нет, я не метросексуал, чего стыдиться.
Гляжу на подиум, как почтальон Тряпицын.
Детсад я в смокинге блестящем охраняю,
Который, мысленно, под майку надеваю.

Май 2015 г.

Я ЗАЛПЫ ПУШЕК СЛЫШУ...

Меня опять видение
Преследует сурово:
Я вижу город Ленина
Зимой сорок второго.

По ледяным ступеням
Средь стариков и женщин
Девятилетней тенью
Скольжу в бомбоубежище,

Всё помню почему-то
В местах, где раньше не был,
Я маму с жидким супом
И горсткой крошек хлеба,

Как вёз её на санках
Фонтанкой, замерзая.
А руки мамы в ранках.
И снег на них не тает.

Я залпы пушек слышу
Над старым Летним садом,
Была в игрушках книжка
С названием «Блокада».

Блокадникам

Полторы тонны пепла за сутки –
Это вес обнажённого горя,
Судеб прерванных. Встречи, разлуки
Над Невою сжигал крематорий.

Полторы тонны пепла за сутки –
Рацион ненасытной блокады –
Кровожадной зарвавшейся суки,
На куски рвущей плоть Ленинграда.

Полторы тонны пепла за сутки –
Превращали мой город в Некрополь.
Под сирен леденящие звуки
Печь топилась окошком в Европу.

Полторы тонны пепла за сутки –
Это тяжесть забытого долга.
Нынче в моде любители шуток,
Над которою воется волком.

Отложив в сторонку книгу,
Рассказать просил я папку,
Как он Волгу перепрыгнул,
Разбежавшись, с длинной палкой.

В скучный вечер зимний, выюжный,
На крючки закрыв все двери,
Перед сном любил я слушать
О житье на Селигере.

Под гармошки песнь лихую,
Как он правил сельским стадом;
Без отца семью большую
Поднимал со старшим братом.

В битве без вести пропавшим,
Где, в каких краях зарыли?
И, по счастью, не узнавший,
Как в село враги входили...

В речи лающей, утробной
(В страхе семеро по лавкам)
Папе врезалось до гроба:
«Матка», «млеко», «брут унд яйко».

Хорошо, что слёзы сохнут,
Думал он, на всё готовый,
Наблюдая, как под хохот
Фрицы резали корову.

Он ещё ребёнок, школьник,
Чтобы сёстры, братья жили –
Полз к картофельному полю,
Где воронки не остыли.

Там посажен ещё в мае,
Ещё в мирном, сорок первом –
Овощ, с минами взрываясь,
На снегу весь исковеркан.

Было пострашнее танка
В эту зиму очень злую –
Дрался с голодом мой папка
За семью свою большую.

А победною весною,
Натянув свой рванный кепи,
Ездил в Ригу за едою
Меж теплушек на прицепе.

А потом в Сибирь вагоны
Понесли тверчан по рельсам...
В оккупационной зоне
Проходило бати детство.

За Урал катил мой предок,
Как когда-то ездил в Ригу,
Чтобы сыну здесь поведать,
Как он Волгу перепрыгнул...

Урок к звонку катил на тормозах,
Доска висела неприлично чистой.
Седой учитель с горечью в глазах
Рассказывал, как воевал танкистом.

Такую боль он вкладывал в рассказ,
Войны отдернув розовую штору,
Что слышались и гусеницы лязг,
И с матерком рычание мотора.

И нет уже ни класса, ни доски,
Ни нас, еще пока на этом свете,
Есть только в русском танке пареньки,
Пылающие летом в сорок третьем.

Под Курском битву оборвал звонок,
Восторгом заглушая канонаду.
И хмурит брови старый педагог,
Что тему задавать придется на дом...

Он был после стопки отчаянно грозен,
Сквозь зубы цедил у порога:
«Не тронь Севастополь, там горе и слёзы»!
Никто Севастополь не трогал.

Исконный волжанин, он море не видел,
А я его грудь – без тельняшки.
Как будто он дрался на землях Тавриды
В бушлате морпеха отважно.

Он город-герой брал с собой на работу,
На праздники песнями славил.
И эту любовь к Черноморскому флоту
Отец мне в наследство оставил.

На помощь не раз эта фраза спешила,
Где гордого города имя.
Какой обладают магической силой
Пять слов из советского фильма!

*«Я устал донельзя; приходилось идти пеш-
ком – так моя коляска была загружена доб-
ром, награбленным моими слугами»
(Из дневника от 15 сентября 1812 года).*

О чём печалился Стендаль?

Он из Москвы безрадостно
Писал своей сестрице,
Что в океане варварства
Его душа томится.

«Читаю иногда Руссо –
Не оскверниться чтобы...
Мой друг, я в обществе глупцов, –
Неслась мольба в Гренобль. –

Не жаль мне только одного, –
Он продолжал с задором, –

Всё ж стоит зрелище того –
Горящий ночью город!

Где мог бы видеть этот вид,
Вблизи каких Бастилий?
В огнях гигантских пирамид
Диаметром в две мили;

Представь, что в Страсбург едешь ты,
Душа моя Полина.
Средь зелени и чистоты –
Находка ты для сплина.

И просто жаждешь иногда,
Чтоб колесо сломалось...
Тоскливо в наших городах,
Но здесь – другая крайность:

За весь к Смоленску тяжкий путь,
А это не к Провансу,
Нашёл картофеля чуть-чуть,
Без соли наслаждался...

Обоз в две тысячи солдат,
Израненных, несчастных –
Под стон и брань тащился в ад
Грязюкой непролазной.

Молились с жадностью кострам,
Надежду согревали,
И под огонь лихих крестьян
Тот час же попадали.

Кололи пикой казаки
Нас в липкой вязкой жиже...»
Летели грустные листки
К осеннему Парижу.

Гойко Митичу

Кино про индейцев

Экран. И прерии простор,
И на коне – прославленный,
С ружьём летит во весь опор
Любимец Югославии!

Он просигналит издали,
Тревожной крикнув птицею,
Чтобы вигвамы не сожгли
Койоты бледнолицые.

В борьбу поднимет, окрылит
Скупою речью меткою:
«Прогоним чужаков с земли,
Завещанной нам предками!»

Мы победить опять смогли!
Бегут вспять волки белые,
И алчность корчится в пыли,
Настигнутая стрелами.

Кино! Как всё в нём розово...
А в жизни Могиканина –
Горят вигвамы в Косово
Огнями не экранными.

Январь 2016 г.

Когда автор не может ответить

Что творится, друзья –
Нам кино извращают!
Всё хохочущий зал
Скоморохам прощает.

И никто не указ, –
Смехотворцев отродью,
Нынче фильмы горазд
Переделывать Швондер,

Чей ущербный талант
Чувству меры преграда.
Растоптал балаган
Чудный кадр беспощадно,

Где такая печаль!
Власть мелодии дивной,
Что из клавиш достал
Грустный Таривердиев.

Как же смачно шуты
Над мгновеньем глумятся...
Мюллер, вновь прикажи
Штирлицу – задержаться!

Но ещё хорошо –
Про окно нет насмешки,
Сквозь которое шёл
От гестаповцев Плейшнер.

Декабрь 2014

*Памяти фронтовика
Дмитрия Дубатова*

Товарищ вслух рассказ читает,
В плен взял хмельной таёжный мир,
Где костерок во тьме пылает,
Где уссурийский вкусен тигр.

И вот уже не до занятий
Литературного кружка,
От приключения объятий
С трудом держу себя в руках.

И как не верить можно бате,
Когда он первым был стрелком –
Нарвался глупый полосатый
На взвод голодных мужиков.

Спирт ледяной хлебнув из фляжки,
Ношу валежник про запас,
Чтоб не пронял нас холод вражий,
Пока коптится наш матрас.

Прошу, гонимый жаждой вечной,
Я сотрапезников: чуть – чуть
Куска тигриного сердечка
Над огоньком мне протянуть.

Чтобы стать храбрым до безумства,
Потом, фашистский встретив крест,
Бить также хищника под Курском
Сквозь бронированную шерсть.

Прочтя рассказ, от строгих судей
Товарищ ждёт вердикт друзей...
Но, не о творчестве он будет –
«О не съедобности зверей!»

Апрель 2015г.

Адекватный ответ Марии Захаровой

– Эй, враг, на Россию не вешай собак! –
Ответит с экрана тебе Жанна д, Арк,
Зажатым в кольцо ненавидящих стран,
Не трудно назвать дрянью всякую дрянь.

От подлой Европы вновь камень летит,
Но нет, Орлеанская Дева не спит.
Придурков за Альпами – пруд хоть пруди,
И фраз толерантных для них не найти.

С лихвой огребёт просвещённый вандал
За те обелиски, что сдуру сломал.
За все шестьсот тысяч, что в Польше легли,
Получит словечко от Русской земли –

Транзитом оно пролетит океан.
Вопрос от Марии – почти ураган:
Когда ты уймёшься, в конце-то концов
Озлобленный лузер и скверный танцор?!!

Апрель 2016 г.

Звезда экрана в Кемерово прилетает.
Лишь на полвека опоздала она в гости.
И самолёт её серебряный встречают
Ряды крестов печальных местного погоста.

На фильмах Софии рождались, выросли
Мечтать не смели о таком большом сюрпризе.
Кто знал, что кинодива, пусть без Мastroяни,
В Кузбасс заглянет всё ж от неореализма.

Эпоха новая красавицу встречала.
Нет, не воскреснут мамы, бабушки для сказки.
Софи Лорен на полстолетья опоздала,
Ушедших в вечность, разведя по-итальянски.

ЗОНА РИСКА

*«... Меня жена, смеясь, пытается
из будки пьяного достать!»
(Николай Бацевич)*

Зона риска

Они рядом и не рядом –
Все со странною пропиской –
Той, что вычислишь по взгляду:
Место жизни – зона риска.

Всё к ларькам одни потуги,
Все под паром пиво-винным.
Если б только не супруги –
То скопытились б в полтинник.

Им игрой любимой – в прятки –
Мучить жён-пенсионерок.
Доживать седьмой десяток,
Сохранив ум семилеток.

Они счастливы синице,
Прочирикавшей в кювете.
На погосты – вереница,
И всё старенькие дети.

Лишь ленивый не песочит
Оголтелых оптимистов.
В Красной книге хоть бы строчку,
Мужикам из зоны риска.

Май 2014 г.

Человеческий фактор

У небесных судов крылья рвёт,
А от водных – срывает фарватер.
Где-то рядом он с нами живёт,
Любоед – человеческий фактор.

Этот новый серийный кощей
Ни в какое яйцо смерть не прячет.
Добры Молодцы – видит, злодей –
Нынче, кажется, вымерли напрочь.

Потому, кровь вкусив у высот,
В предвкушеньи спускается в шахту, –
Порождающий вдов и сирот,
Душегуб – человеческий фактор.

По шучьему велению

Президент, поймавший шуку,
Властно рыбу взяв за жабры,
Обратясь всерьёз и в шутку
К хищнице с бедою старой,

Объяснил ей сочным слогом,
Где коса нашла на камень:
«Есть просветы на дорогах,
Нет побед над дураками.

Знаю, что тебе по силам
Оказать услугу Россам».
Так рыбалка разделила,
Жизнь страны на до и после.

Август, 2013

*«На зеркало неча пенять, коли рожа крива...»
(Русская пословица)*

Кривизну осознав как-то в муках,
Я лица своего, попросил
У трюмо извинений за буквы,
Что годами на нём я чертил.

Завертелся меж клиник пластинкой,
Всё на выправку рожи отдав!
Мне твердили везде, что овчинка
На порядок дешевле труда.

Обзывали всё жертвой стакана,
Озирая мой профиль и фас...
Что спасёт технология «нано»,
Но таких нет финансов у вас.

Поглядел после дождика в лужу
И решил ничего не менять,
Зеркала для того ведь и служат,
Чтоб на них нам, убогим, пенять...

Юрию Дубатову

Мужское дело – доброе сажать,
Разумное, в сердцах детей беспечных.
И лучше женских рук не отыскать, –
Ростки, чтоб эти выходить, сберечь их.

Но без отцов взрослела детвора,
У классных дам все десять лет учившись.
Завидуя, смотрела на экран,
На класс, до понедельника доживший.

Весомей слов не вырубит топор,
Параграф, что давал им тот учитель.
Как объяснить мог Тихонов–актёр
Пятнадцать строк о лейтенанте Шмидте!

Такие были и в моём краю –
Одни штаны, на девять юбок строгих.
Не в силах прокормить семью свою,
Нас покидали парни-педагоги.

Я не борец, поэтому стих в стол
Кладу рукой дрожащей трусовато,
Даю мужчин выкашивать из школ
Литовкой издевательской зарплаты!

Сентябрь 2014 г.

***Татьяне – главному специалисту
по делам несовершеннолетних***

Год за годом, месяц за месяцем,
Не за доллары, а за гроши
На борьбу с ветреною мельницей
Дон Кихот в юбке снова спешит.

Без доспехов, с душою без панциря
Налететь на цинизма оскал,
Было б легче ей с Санчо Пансою,
Росинант бы совсем не мешал.

Под ударами и уколами
Жить, отбросив объяття обид.
Хорошо ещё то, что колокол,
Так целебно над Томью звучит.

Ей цветочной идти б поляною,
Ароматом залечивать боль.
До чего же неблагодарная
Дон-кихотам отпущена роль.

Проводы Фиделя. Последний пассионарий.

Когда Гулливеры с планеты уходят –
Земле мужество изменяет.
Царьки европейские, среднего рода,
Ладошки в поту потирают.

Когда Гулливеры уходя далёко –
Из всех щелей лезут пигмеи,
Которых Титаны двадцатого века
Ногтём успокоить умели.

На улице карликов праздник великий:
Учитель ушёл ненадолго.
И в классе базар, гомон, визги и крики –
Так было везде у двуногих.

А что остаётся? – легенды, поэмы, –
Работа писательским перьям.
На мир паутиной спускается время –
Тотального безгулливерья...

ноябрь 2016 г.

Нет, о коногоне я петь воздержался
И пыль с инструмента не стёр.
Зачем раньше времени в вечность умчался
Последний знакомый шахтёр?

Август 2015 г.

«В этом городе снег несъедобный».
(Ирина Тюнина)

И взорвались коллеги-поэты –
Дружно, хором, почти от души:
«Несъедобный снег в городе этом?
А в каком он съедобный, скажи?»

Может, в Арктике спрятался в холод,
Или двинул в нетронутый лес?
– Да навалом: в деревнях и сёлах!
Только там его некому есть.

ГОРОДСКИЕ ЗАРИСОВКИ

А бывает – в июле по коже мороз!
Проходя мимо мусорных баков,
На заре я увидел, как кто-то принёс
Голубой школьный глобус на свалку.

Не желаю врагам экспозиций таких,
Цепенею, как после наркоза.
Океаны безбрежные, материки,
Полюса в запылённых отбросах.

Неужели конец, неужели цейтнот!?
Время нет, чтоб проснуться народам!
Лишь мгновенье ещё, пока кто-то снесёт
Нашу землю вот так же в отходы.

Июль 2013

Разве может выразить язык,
Как я на границе двух веков
Болен стал судьбой бродячих книг,
Мерзнущих у мусорных бачков.

Помнится, счастливый из людей,
Я талон ладонью обнимал,
Кипы пожелтевших новостей,
Сдав за вечно юного Дюма.

Нежно благодарен тем дворам,
Где преподносили мне дары, –
Двадцать вождеденных килограмм.
В пять часов утра был сто вторым.

Кто-то ищет крышу для котят,
Я же объявление крою:
«Нужен дом, в котором приютят
Молодость бумажную мою».

Модно приговорённая с улицы Болотной

Походкой не для этого помоста
Идти в чужой ей обуви не просто.
Столица – не для золушек из сказки.
В висках стучит: «Скорее б на Казанский!»
Да двери за спиной закрыл дворецкий,
А в зале, словно в фильмах про индейцев,
Истошно улюлюкает массовка...
Ещё шажок, и к поезду на полку.
В вагоне образ, созданный стилистом,
В стакане чая растворится быстро,
Но в чудо-платьях, сказочных, улётных
Гулять ей долго улицей Болотной.
Вещицы эти яркие с годами
Забудутся с болезнями, долгами.
Легенда лишь останется для внучки,
Как Слава Зайцев целовал ей ручки.

Март 2016 г.

Меня в Тайланде не ищи –
Не мой там отдых.
Нашёл себе я поприще
На огородах.

И суету взяв в пленницы,
Поймав за косы,
Я поливаю огурцы,
Читаю Бёрнса.

Сосед напился, вечный цирк:
Полтинник просит.
Я поливаю огурцы,
Читаю Бёрнса.

Футбол глядел бы до утра,
Да курам на смех.
Команда Дика полегла
В полях Варшавских.

Беру досаду под уздцы –
Ещё не осень.
И поливаю огурцы,
Читаю Бёрнса.

И вспоминаю прошлый путь –
Где были цели.
Мог темноту я обмануть
В конце тоннеля.

Да и сейчас на мельницы
С копьём – не поздно...
Но поливаю огурцы,
Читаю Бёрнса.

Меня в Тайланде не ищи,
Ни в Баден-Баден.
За дезинфекцией души
Я – между грядок.

Там, где дремлет июнь на рассвете,
Где рекламных огней водопад,
Испытаю на велосипеде
Я с иголки новый асфальт.

На педали нажму до упора,
И рвану солнцу наперерез,
Чтобы мой неразбуженный город
За плечом растворился, исчез.

У меня полчаса есть в запасе:
Проскользнуть мимо труб выхлопных,
И с зарёй очутиться на трассе,
Что ведёт в мир лугов заливных!

К горизонту бросок... И я – лидер!
Там, где слов нет таких, как престиж,
Отдохнёт пусть чуток победитель
Марафона «Монако-Париж».

Очутиться в краю заповедном –
До чего безобидный каприз,
Над собой руки вскинуть победно
Под крылатых болельщиков свист.

В лифте

Я его, с нетерпением, снова дождусь,
Гладких стен, что в автографах звучных.
И в объятии их, как всегда прокачусь,
Ездить грамотным в лифте не скучно.

Благо, времени воз – так высок мой этаж.
И как будто филолог капризный,
Изучаю соседей словарный багаж,
Весь их минимум, нужный для жизни.

И казалось, что фразам мертвящим, пустым
Ни конца уже нет, и ни края...
Этажом перед пятым, а может шестым
Строчка в самом углу оживляет...

Словно в знойной пустыне глоток ключевой
Предложили испить мне водицы –
Нацарапан призыв чьей-то детской рукой:
«Мух не бейте, они ведь как птицы!»

Я – о берёзах им,
Они мне – о вине,
О водке, бабах,
О зарплате.
Я им – о розовом
Весеннем скакуне,
Они: «Не врал бы –
Розовых нет, батя.

Ты нам недетский
Лучше спой куплет,
Баркова сбацай...»
– Нет уж, дудки!
В огнях Советский
Вспомнился проспект,
И я, как Чацкий:
Маршрутку мне, маршрутку!

Форум для двоих

Зал заседаний, предо мной –
Его седеющий затылок,
А рядом профиль девы той,
Что обо всём вокруг забыла.

От слов, что только к ней журчат,
Рождая омут глаз лучистых,
Пока: «Регламент!» – вновь кричат
На съезде вечные троцкисты.

А мне есть повод сочинять
О двух сердцах соединённых.
Часы в секунды превращать –
Поэтов дело и влюблённых.

Ловлю сквозь окна в облаках
Я рифмы своему досугу.
Слагаю строки – славно как
Все пять часов жить друг для друга.

Вдвоём от счастья фонареть,
А что ещё им делать в зале,
Пока с трибуны о добре,
Твердят с недобрыми глазами.

Июнь 2015 г.

Главком знаменитый
Спасён был на трассе,
Его имя вновь на устах.
А то, что водитель
На месте скончался –
Одна лишь строка в новостях.

И больше ни слуха,
Не он – герой глянцев,
Так модных на нашей земле.
Как будто бы муху
Размазали пальцем,
Оставив пятно на стекле.

Такое, возможно,
Пришло к нам из стари.
На новости я не сердит:
Как минимум должен
Быть рядом Гагарин,
Чтоб не был Серёгин забыт...

Для неё я «подругой» был верной,
Как и лавочка у проходной,
На которой своих кавалеров
Обсуждала коллега со мной.

Мотогонщик, буддист, вертолётчик,
Врач, военный, и много других...
В перекурах, в столовой заочно
Я знакомился с каждым из них.

Об одном говорила: «Он выкал,
С ней на «Вы» даже наедине.
О другом вспоминала с улыбкой –
Что щетина растёт на спине».

А потом, когда чувства вдруг стыли,
Сочинял ей в один я присест:
«Обещала же вырасти в крылья
На лопатках кудрявая шерсть!»

О любви их кричали наколки –
Не на день, не на год, на всю жизнь.
Словно кадры ускоренной съёмки,
Как в кино, предо мной пронеслись.

Где он полк, тех мужей распрекрасных?
Всех почти позабыл с сединой.
Только в памяти он и остался
Этот парень с лохматой спиной.

Он такой, как в мультфильме про Кешу –
Домосед и покушать любитель,
От усов до хвоста обуревший,
Не желающий жить на Таити;

Древним Сфинксом глядит, прощелыга,
На гипноз всё меня проверяет,
Чтоб пополнилась Гиннеса книга,
Холодильник с утра осаждаёт.

Если вдруг не открою я дверку,
Он в зубах мне приносит синичку, –
Выкупаю её за сардельку,
За котлету, за сыр, за яичко...

И опять ползарплаты накрылось
Загребущею лапой когтистой,
Чем меня подкупить умудрилась
Эта морда, с душой шантажиста?

Всех полетов моих и падений
Был свидетелем зверь желтоглазый,
Терапевт мой, врачующий ленью,
И урчаньем: «Старик, жизнь прекрасна!»

Лишь в получку одно раздражает,
Что не может со мной стопку выпить.
Зря я друга тогда посылаю
На коралловый остров Таити...

Две дамы возраста преклонного стоят
На остановке, говорят и говорят...
Но монолог ведёт одна, держу пари.
Другая молвит лишь одно: «Не говори...»

Одна качает головой то вверх, то вниз,
Чтоб слово каждое летело, как сюрприз,
Другой же – в стороны качается лицо,
Она как будто отрицает это всё.

И удивлённо расширяются зрачки,
Хотя всё знает наперёд она почти:
О малой пенсии и о больных ногах,
О росте цен, о том, что жизнь, так дорога...

И мне вмешаться захотелось, и сказать:
«Зачем подружке рот всё время затыкать?»
Но, застеснявшись, про себя проговорил:
«Пусть говорит: «Не говори, не говори...»».

Городу Кемерово посвящается

Что в имени тебе моём

Над вокзалами строчка повисла,
Любопытных гостей удивляя:
Наше имя, лишённое смысла –
Первобытная тайна хозяев.

Благовещенск, Иркутск – на Востоке,
Курск, Воронеж, Орел – за Уралом,
Как завидую я вам под стопку,
Имена городов-натуралов!

И кого же ты, реченька Тома,
Берегами своими пригрела?
Чьё над волнами высится скромно
Всё в гирляндах мигающих тело?

Город-Сфинкс, у какого порога
Ты с бесполым расстанешься шагом?
А пока утешает немного,
Что есть Осло, еще и Чикаго...

Посвящается моим землякам

Дёргал папы штаны и у мамы подол,
Позабыв и машинки, и мячик.
До сих пор я ответ на вопрос не нашёл,
Кто же город мой – девочка, мальчик?

Лишь одно знаю точно, что он мне родня,
И над Томью бывает в ударе –
То, как нежная женщина, любит меня,
То в сердцах приласкает, как пареньь.

То откинёт капризы, подставит плечо
И подарит усталому отдых,
Потому-то и кризис любой нипочём,
Нам под именем среднего рода.

Пусть в других городах кто-то вновь загрустит
И застонет: «За что так хреново?»
Мой земляк же закурит, колечко пустив,
И протянет: «А мне – Кемерово...»

ИЕРОГЛИФ БЕРЁЗОВЫХ ВЕТОК

Небо всё в свинцовых дырах,
Листья с веток ветром сносит,
«Почему у нас в Сибири
За зиму сразу осень? –

Дедушку спросили дети
У печурки в тёплом доме:
– Расскажи нам дед о лете,
О жаре, июльском громе».

Старика врасплох вопросом
Не застать, калач он тёртый, –
О клубнике на покосах,
Он начнёт раз в сто четвёртый.

О деревьях изумрудных
Под лазоревым навесом,
Раскалённых пляжах людных,
Там где яблоку нет места.

Дед светился, вспоминая,
Сбросив с памяти все гири,
Словно родом был из рая, –
Звался что ещё Сибирью.

Июль 2013г.

На задворках унылой деревни
За сугробами стынет изба.
И нет тропок ни справа, ни слева,
И в печурку ушла городьба.

Этот дом, словно вышел на паперть,
Только что ему можно подать?
Там стаканы гранёные насмерть
С недопитою бражкой стоят.

По ковру из оконных осколков
По-хозяйски гуляет метель,
Пожелтевшие виды Нью-Йорка
Закрывают меж брёвнами щель.

Двери хлопают, с ветром играя,
Взгляд печи обжигаяще пуст.
На продавленной койке вздыхает
Вековая российская грусть.

По голой роще
Рыжая хромает,
Как апельсин,
Собака на снегу.

Ещё не тощая,
Ещё совсем ручная,
Идёт меж льдин
И через «не могу».

И у меня
Вдруг холодок по коже,
Картинка в рамке,
Подпись «Одинок»...

Ведь это я,
Но чуточку моложе...
Свою хозяйку
Потерял щенок.

Учись оскалу –
Он тебе поможет,
Да и клыки
Даны тебе не зря.

Уж я-то знаю:
На людей похожи
Твои
Четвероногие друзья.

Что случилось сегодня с рассветом
За проснувшимся дачным окном?
Иероглиф берёзовых веток
Намекнул мне прозрачно о чём?
Да о том, чтобы из дому вышел,
На крыльце удивился теплу...
Что же я, как на паперти нищий,
Прижимаюсь ладонью к стеклу?
Не поймёт, кто не солнцепоклонник –
Как обрадовал сердца и глаз,
Вдруг упавший на мой подоконник,
Долгожданного марта аванс...

Здесь никаких людских следов —
Земле дан отдых.
От вечных некогда садов
И огородов.

О чём-то шепчется с ручьём
Пучок крапивы,
Вода давно уже течёт
Не для полива.

Лишь ветерок качнёт порой
С весенним вздохом,
Куст над ничейной полосой
Чертополоха.

Невзрачный стебель отогнёт,
Седой усталый,
И солнца луч там вмиг найдёт
Цветочек алый.

Ему напиться только дождь
Даст временами.
Тюльпан, ты для кого цветёшь
Под сорняками?

Ни чаща, ни лес и ни садик
На Томском обрыве прилёт...
Средь знойной асфальтовой глади
Усталых берёз островок.

Героем былых песнопений
Был остров тот люб дикарям,
За то, что от всех невезений
Их путь шёл к весёлым столам.

Где скатерть – зелёная травка,
С газетой, сырком и вином,
И где за получкою давка
Бригадой забыта давно;

Здесь всяк после третьей – оратор,
В делах всевозможных талант,
И вновь разливают зарплату
В дежурный граненый стакан.

Как шут старый, я на арену
Стремлюсь снова к белым стволам...
Застолий тех аборигены
Уплыли к другим островам...

И вновь со дня на день не легче –
За окнами сырость с утра.
Напялил мой город на плечи
Любимый фасон октября.

Промозглого ветра накидка,
С дождём, с мокрым снегом – к лицу
Скрипучей садовой калитке,
И к морде – бродячему псу.

Тому, кто и летом всё хнычет,
Идя по цветам полевым...
Как цвет этот мрачный не личит –
Ни мне, ни внучатам моим.

Но скоро плащ с города снимут
Ладони метелицы злой,
И всё отстирают за зиму,
Замоченное белизной.

Октября 2014 г.

Дверь толкнув, на крылечко без тапочек,
Сквозь дверной я проникну пролёт,
Рыжекудрая осень на лавочке
Мне с собой рядом место найдет.

Приобнимет лучом нерастраченным,
Прикасясь как будто едва,
На уютной груди её спрячется
Этим утром моя голова.

«Я вернусь» – шепчет мне на прощание
Согревая дыханьем щеку,
Как надёжны её обещания!
Как за нею поспеть старику?

От ручья мне соседка пернатая
Звучно крякнет, бросая свой дом.
Проводить выйду – будет приятно ей,
Благо, «аэропорт» за углом.

Вот и крылья родные над грядками,
Вот они уже в голубизне.
Посчитаю, летят все? В порядке ли –
Кого яйцами знал по весне?

ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ – ОДНО

О любви к книге

Я рвался к ней, минуя лавочки, фонтаны,
Не брал попутно ни цветы, ни шоколад.
Кинотеатр с фильмом широкоэкранным
Совсем не мне предоставлял последний ряд.

Не помню первый кто, краснея и стесняясь,
В минувшем веке прошептал: «Давай дружить!»
Там, где бетонный потолок пробить стараясь,
Стремятся в небо, задыхаясь, стеллажи.

Там, под присмотром строгих дам, интеллигентных,
Я находил ту, что была милее всех!
Одними взглядами мы с ней, как резиденты,
Тогда общались на нейтральной полосе.

Она меняла коленкоры ежедневно.
Но все равно, в любой обновке узнавал
Свою подругу я, пусть даже в платье Евы,
Пусть без обложки – нежно гладил и листал.

Она не раз ещё свой адрес поменяет.
Найду, по имени, как прежде позову.
И успокою, пусть не думает родная,
Что с электронной мне готовят рандеву

Экрану-сводне подобрать не самых глупых
Труда не стоит, нужно только заплатить.
Но книг по вызову – таких легкодоступных,
Смогу навряд ли я, когда-нибудь любить...

Встречаясь с героями книг,
На наших житейских дорогах,
Я с тайной надеждой от них
Всё жду искромётного слога:
Такого, каким упоён
Был, книгу собрата читая,
Заранее даже смущён,
Что многого не понимаю.

Впросак не попасть – вот смешной:
С Брокгаузом сплю я и с Далем.
Молчат прототипы со мной,
Но всё же два слова сказали,
Замшелые – пить иль не пить?
Шутили, и я наливаю...
Как в повести поговорить,
Писатель им не позволяет.

*«И для меня в то время было
Жизнь и поэзия – одно».*
(В.А. Жуковский)

Жизнь и поэзия – одно!
Я вспомнил формулу спросонья.
Зевнув, подумал, что давно
Хрен нужно вынести с балкона.

Пучок корявых корешков
Сквозь мясорубку пробуравил
И на блаженство изошёл,
Когда чеснок в него добавил.

Когда на черный отрубной,
На хлебец ножичком намазал
И с музой дернул по одной
Под ароматную заразу.

И собутыльница со мной,
Строку весёлую знакомит.
Жизнь и поэзия – одно,
Когда хреновина есть в доме!

*«Долгота разлуки нашей
сделала меня несчастным»
(Из письма Никиты Козлова к жене)*

Разве всё в письме расскажешь?
Он писал: «Себе не властен:
Долгота разлуки нашей
Сделала меня несчастным».

Знал ли кто о том несчастье?
Не о вас все были речи –
Всё «обломки самовластья»...
Ах, Никита Тимофеич.

Декабристы – все в неволе,
Кто б за вас замолвил слово.
Как отчаянно боролись
С саранчой и Воронцовым.

Бунтарей мы изучали,
О мятежных песни пели.
Но под пули вы бросались,
Что в хозяина летели.

А легко ли быть слугою,
Камердинером поэта –
В ком с рожденья неспокойно
Бродит кровь арапских предков?

Разделять с ним грусть скитаний,
Чтоб потом, осиротело,
Отнести с тоской к дивану
Окровавленное тело...

И уже никто не видел,
Чей там труп стоял у гроба.
Потому что подлый выстрел
Старика ещё угробил.

Тот, кто был и дел, и денег
И белья его рачитель –
Впопыхах оставил гений
Лишь две строчки о Никите.

Вроде бы такая мелочь,
Что страна тебя забыла.
Ах, Никита Тимофеич!
Ни портрета, ни могилы.

На открытии памятника 1889 года

Одесса радостна! Есть веский аргумент,
Бульвар приморский будет снова видеть Пушкин,
Но сквозь толпу, что обступила постамент,
Зловещей тенью, горбясь, двигалась старушка.
Осколком ненависти из далёких лет
Дрожала при ходьбе сударыни коленка –
Та, за которую когда-то брал поэт...

С того момента пронеслось уже полвека,
И доживал последний миг ее секрет...

Покров был сброшен, взгляд к ней гений обратил,
И рассказал, за что же бабушка так злится:
Нет, не за то, что не писал «Я вас любил»,
За то, что взялся, подержал, и ... извинился.

*«Пушкин, в Кишинёве, в доме, где кварти-
ровал, научил хозяйского попугая одному
бранному молдаванскому слову, которое
птица произносила с хохотом...»
(И.П. Липранди. Из дневниковых записей).*

Вдали от Российской столицы,
Родимых Михайловских весей.
Учил он весёлую птицу
Ядрёным словечкам полезным.

Катал попугай бы в каретах
И каждый знал – это опасно:
Обидеть хоть чем-то поэта,
Ведь с ним полиглот бессарабский!

Который своим клювом острым,
Не лезет за фразой под перья.
За друга промытые кости,
Схватился б со светскою чернью.

Дантесу бы крикнул по-русски!
Уверен, была бы осечка.
Три слова хватило б французу –
Промазать над Черною речкой!

К 200- летию Лермонтова

*«...Стихи распространяются в
городе одним из его товарищей,
которого он, не захотел назвать»
(Из докладной записки
Бенкендорфа Николаю I)*

«Под арест я взял мальчишку –
Сочинителя стихов», –
Императору напишет
В докладной граф Бенкендорф.

«С нарушителя порядка
Снять допрос уже велел.
Но по партии собрата
Он назвать не захотел».

Позже станет всем известно:
Размножалась кем строка,
Что разбрасывал Раевский,
Собирала бабушка.

Государь ответил кратко:
«Господин сей, не здоров.
Мне довольно в двадцать пятом...
Пятерых бунтовщиков».

И пошлет властитель – деспот
Не в Сибирь и не в снега,
На лечение поэта –
На мин воды, на юга.

В историческом сравненьи
Познаётся наша жизнь,
Нам бы в сталинское время,
Этот царский деспотизм.

Сентябрь 2013г.

Письма классиков русских, великих
В долгий вечер осенний листаю,
Иноземную пыль, что прилипла
К речи за день, как в бане, смываю.

Переплёт лишь знакомый открою,
На вопрос даст Булгаков ответ мне:
Неспроста звал запёкшейся кровью
Он листки из почтовых конвертов...

Оросишь их вниманием жарким,
И появятся люди из мрака,
Вновь не едет к создателю «Чайки»
Из Москвы «актрисуля-собака».

Не отправлюсь в столицу за Книппер,
Как ни жаль Чехонте на перроне.
В позапрошлый век нужно мне, в Питер,
Где за стих журнал платит червонец.

Жизнь оседлая и на колёсах,
Смех и слёзы на жёлтых страницах,
Соболевский ехидным вопросом
Достаёт с «Вавилонской блудницей».

Что я делал бы, если б не почта,
На дежурстве с зарплатою скромной?
Но по письмам сибирские ночи
Коротаю у старых знакомых.

И к Тургеневу в Баден под утро
Загляну, или же на Ривьеру,
Где он Гёте читает Гонкурам,
И Толстого знакомит с Флобером.

Из прошедших веков вижу лики,
И на стенах от гениев тени,
К письмам классиков Русских, Великих
Прикоснулся я ночью осенней.

На сцене маленькая фея лет шести,
Читая стих, зал завораживая властно,
Срывала маски с лиц у строго жюри,
Произносивших в восхищенье: «Это классно!»

Она молчала иногда, и вновь: «Сейчас,
Сосредоточиться б мне только, и я вспомню...»
И оторваться нет уж сил от этих глаз,
От губ, щебечущих про бабушку с любовью.

И снова прозою журчала ручейком,
Косноязычных судей загоня в ступор.
Казалось, барышне Тургенев был знаком,
А от столов опять восторженное: «Супер!»

Оценка Элки Людоедки без затей,
Но мне подумалось: «Нет, вовсе не напрасно,
Сверкала речью яркой девочка своей
Над нищетою их словарного запаса».

После Белого хочется Фета,
Аполлона бы Майкова с ним –
Так, как жаждется тёплого лета
После долгой капризной весны.

Тяжело, находя в книгах друга,
Поливая слезой мрачный стих,
Наблюдать, как эпоха-зверюга
Пожирает поэтов своих.

Испытав беспросветность и горе,
Волкодавочью пасть пред собой –
Сыт Серебряным веком по горло,
Покупаю билет в Золотой!

Дальше, в прошлое, сквозь все разрухи
Устремляюсь я, как пилигрим...
Выбор есть: либо к Тютчеву – в Мюнхен,
Или же к Баратынскому – в Рим!

Вишнёвый сад 2

В честь Чехова решил
Я вишню посадить,
Увидя рубку на экране.
Сад цеховой разбил,
Чтоб пьесу повторить,
Но без топорных корчеваний.

Чтоб сочною была,
Её я подкормил,
И вряд ли Палыч рассердился б,
Что вместо: «Жизнь прошла,
А вроде бы не жил»
Пою:
«Поспела вишня дяди Фирса».

Даниилу Гранину

В уголке красном снова читают
Политграмоту для комсомольцев.
Но война всё по полкам расставит –
Атеисты в окопах не водятся.

Этой истиною непреложной
Пусть любой богохульник умоется.
Ты – безбожник до первой бомбёжки,
До осколков, что рядом проносятся.

Когда с летних небес озверелых
Тучи чёрных крестов обрушатся,
И от вопля истощенного тело
Твоё, в землю цветущую вплющится...

И поймёшь ты, что знаешь молитву,
И того, кто в тебе жарко молится.
Это значит, что жив, не убит ты.
Атеисты в окопах не водятся.

Декабрь 2013 г.

*«Кто-то невидимый неотступно, каждо-
дневно совращает нас на великий грех – му-
тить и засорять Богом и Судьбой данное
нам величайшее из богатств – наш родной
язык».*

(Любовь Скорик)

Блажен, кто к этому привык,
Кто с языком заморским слился.
А я словцом с концовкой «инг»,
Как мёртвой жабой, подавился.

Хриплю и кашляю до слёз
От чуждо-муторного «кастинг».
Такое чувство, словно кость
Порвало горло на две части.

Всему виною стала лень:
Перевести на русский просто ...
Произнесу – не «секенхенд»,
А – забугорные обноски.

Виктору Кальсину

Рожденный 22 апреля

С детства наказание –
Статус эталона –
Хоть сто раз простужен,
Должен быть кремень.
Не с вином в стакане,
А таская бревна,
Чавкая по лужам,
Отмечал свой день.

Мог героем спорта
Быть, иль космонавтом,
Но он слов стал зодчим,
Что из высших сфер.
Где поэт? Да вот он –
Человек с плаката:
«Кто со мною хочет,
Вновь в СССР?!..»

Июль 2013 г.

Юрию Климанову

Продираясь сквозь чашу убогих невежд,
Среди толп скудоумных сверстников,
Как же трудно прожить, не теряя надежд,
Душе поэтической, песенной!

На колючки пустынных глазниц налетать,
Ежедневно сдирающих кожу...
Он бы просто анафеме мог их предать –
Тех, язык чей преступно скукожен.

Но мальчишка атаку любую готов
Подавить рифмой, строчкою меткой,
«Мастеров» серых фраз, где не больше трёх слов –
Правнуков Элочки Людоедки.

Вот опять он чужой, среди своих за столом.
И мне вновь нестерпимо хочется:
Белизну крыльев, чтобы ему не сожгло,
Леденящее одиночество.

Июль 2014 г.

Юрию Климанову

Он, как будто в гримёрку со сцены –
Ищет путь, не покажет ли кто?
Вот и снова скользит, словно тенью,
В длиннополом потёртом пальто.

Неприкаянность есть в каждом шаге,
В каждом взгляде ещё юных глаз.
Из каких ты галактик, бродяга?
Из каких звёздно-млечных ты трасс?

Как слепой, он бредёт коридором,
На один ему слышимый звук,
Он не видит участливых взоров,
Ни протянутых дружеских рук.

Вот он двери толкнул, словно в пропасть –
В чуждый город шагнул напролом,
Где подруга его – одинокость,
Терпеливо ждала за углом.

Запахи «Огней Кузбасса»

Кормчему

Краскою привычной
Сотню раз дышал я.
Аромат различный
В каждом из журналов.

Первый номер подан
К праздничным салатам,
Пахнет Новым годом
Или днём солдата.

Но весна в дороге
И второй обещан.
Может чуть, немного
Повернёт к нам женщин.

Третий не жалеет
Солнечного света.
Майский номер веет
Славным днём Победы.

Влажным летом поздним
Вглубь страниц ныряю,
Забивает ноздри
Запах урожая.

Снегом припорошен,
Срок немного сдвинув,
Прилетит обложка
С цифрой пять на синем.

В декабре приволье
Для ночей суровых,
Отдаёт застольем –
Жди огня шестого.

Снова – С новым годом!
Время для объятий.
Дышится свободно
Первенцем на старте!..

Сентябрь 2016 г.

С. Донбаю

Ступая за мудрым учителем следом,
(Как было со мной это часто),
В мечтах представлял с ним всё нашу беседу
Я, скромности пленник несчастный.

В уютном кафе, где за кружкою с пеной
Так мил диалог о прекрасном,
О том, как Тургеневу свой «Современник»
Пытался доверить Некрасов.

О песнях, что пел под дождем Хворостовский,
Хмелевший от бурных оваций,
В фантазиях с мэтром легко мне и просто,
Вести разговоры по-братски.

Но вот как-то раз наяву это вышло...
Столкнувшись с ним после стакана,
Проямлил: «Вы шляпу купили в Париже?»
И он мне ответил: «Нет, в Каннах...»

«Если б вдруг поэт явился
Слушать, как ты стих читаешь, –
Он бы снова застрелился,
Ты хоть это понимаешь?»

Так словесник молвил гневно,
Занося в дневник отметку,
Гимн читал я не душевно –
«Пароходу – человеку».

«От поэзии метлою
Гнать тебя, негодник, надо»!
Говорил с улыбкой злою
Классный мой экзаменатор.

И в ответ я весь свой норов
Показал, хоть был подростком:
Что промчатся, лет так сорок, –
Стану вровень с Маяковским!

Будут сравнивать в журнале
Нашу с классиком манеру...
Даже парты хохотали
Надо мной в эСэСэСэРе...

А трибун с портрета манит,
Шепчет: «Как поэт – поэту,
Только мыльница в кармане,
Никакого пистолета».

Не пишется

Прохладную и вялую ладонь
Мне протянул товарищ со своею книжицей.
Слова бросая, будто бы сквозь сон,
С какой-то значимой усталостью: «Не пишется».

И я глаза и уши, как собрат
Закрыл, чтобы ни звёздам, ни улыбкам – опусов.
Какой великий надобно талант,
Чтобы упасть в объятия творческого отпуска!

Мои потуги кажутся смешны,
Крадутся рифмы за спиной с утра до вечера. –
Привычные такие топтуны
В любой момент возьмут матёрого разведчика.

Они накроют и в лесной глуши,
И между улицами городскими, шумными.
Не пишется – от лености души,
От слепоты, от глухоты, от скудоумия.

Как птицы, пойманные в клетке,
Зажатые меж классных стен,
Мы щебетали для отметки
Про свежий ветер перемен.

Под взглядом строгим педагога
Сдав все зачёты на показ,
Уже не помнил за порогом
Страданья классика наш класс.

И сколько дней, как в Лету, канет,
Десятилетия пройдут,
Пока на истинный экзамен
Однажды нас не позовут.

Не всех, а тех, кто с книжкой вечно,
Кто и на людях одинок –
Тому припомнится, конечно,
Сердца негреющий урок.

Как тот, кто чести был невольник,
Все эти сорок пять минут,
С портрета морщился от боли
У рамки бронзовой в плену.

Посвящается 10 «Д»

В это время – Высокого солнца,
Время самых коротких ночей,
По традиции вновь соберётся,
Горстка школьных, забытых друзей.

Под мотивы былых модных песен,
Реставрацию классных проказ –
Будет пробовать жадно воскреснуть,
Мой седой и лысеющий класс.

Поредевший, менять его некем,
Да и детству еще, где пожить?
Ведь враньё, что нельзя в одну реку
По второму заходу входить.

Шутит так же весёлый погодок,
Как полвека назад он шутил.
Я вхожу в ту же самую воду,
И качусь с тех же самых перил!

В том столетье, прошедшем, великом,
Наш учитель любил задавать
Сочинение после каникул,
Как легко его было писать!

Вот и нынче голов поседелых,
Не спасёт юбилейный обед.
На доске педагог вывел мелом
Тему: «Как я провел сорок лет».

Проверну я со скрежетом гулким
Память, вспомню свой пыльный двор,
Где на весь наш кривой переулок
Мой отец был один лишь шофёр.

Жарким полднем случалась награда
Для обветренной детворы:
Лишь подкатывал газик к ограде
На обеденный перерыв.

Раскаленная солнцем кабина,
Открывалась для шоферят –
Этот смешанный кожи с бензином
Сладкий детский мой аромат.

Исполнителем был я желаний –
Хоть всю улицу мог впустить,
И пока мой обедал батяня,
Я дружкам давал порулить.

Помню папин пиджак я потёртый,
Его кепку, что так шла к лицу,
И в столовках улыбчивых теток,
Наливающих борщ отцу...

Гаражи, трассы, женщины, дети,
Сколько праздников в жизнь вместил...
Почему он в лицо бросил смерти
Эту фразу: «Словно не жил»?

Приходит время камни собирать,
В картинках вспомнив сцены школьной дури...
На склоне лет решил я исправлять
Свои оценки по литературе.

На первом только выпавшем снегу
Я птицею запел о жизни песню.
В болоте троек больше не могу
Томить свою российскую словесность.

Стихам отдам осеннею порой
Весь опыт, что не дёшево был куплен,
Чтоб люди загрустили над строфой,
Или хотя бы улыбнулись скупю.

Потом бы отыскать тот кабинет,
В котором педагог всегда критичный,
Взглянув на мой писательский билет,
Устало б бросил: «Молодец. Отлично!»

Октябрь 2014г.

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Арнаутов. И мудрость старца, и восторг мальчика	3
Я САМ СЕБЕ ЮНЫМ ПРИСНИЛСЯ...	10
«Я сам себе юным приснился...»	10
Зимние каникулы	11
«Снова память не о том...»	11
Безотцовщина	13
Какава	14
«Я у дядьки на скамейке...»	16
«Отодвинув привычно штaketник...»	17
Моей первой учительнице	18
«Акулы, спруты, голубые скаты...»	18
«Над рекою дом из сруба...»	19
«Я с детства не был ни юннатом, ни горнистом...»	20
«Эти звуки, лечащие душу...»	20
«Где друг мой жил, не зная ностальгии...»	21
Бабочка	22
БЕРУ УРОКИ У ВНУКОВ	23
Дед на каруселях	23
«В смешных потугах старость победить...»	23
«Я ещё охоч слегка...»	24
Те, кого забирают последними	26
«Я от него о жизни многое узнал...»	27
«Средь рощи берёз поседелых...»	28
Между жизнью и работой	29
Запоздалая покупка	30
«Печь затопив и папироской наслаждаясь...»	31
Я ЗАЛПЫ ПУШЕК СЛЫШУ...	32
«Меня опять видение...»	32
Блокадникам	32

«Отложив в сторонку книгу...».....	33
«Урок к звонку катил на тормозах...».....	35
«Он был после стопки отчаянно грозен...».....	35
О чём печалился Стендаль?	36
Кино про индейцев	38
Когда автор не может ответить	39
«Товарищ вслух рассказ читает...».....	40
Адекватный ответ Марии Захаровой	41
«Звезда экрана в Кемерово прилетает...».....	42
ЗОНА РИСКА	43
Зона риска	43
Человеческий фактор	44
По шучьему велению	44
«Кривизну осознав как-то в муках...».....	45
«Мужское дело – доброе сажать...».....	45
«Год за годом, месяц за месяцем...».....	46
Проводы Фиделя. Последний пассионарий	47
«Она об этом и не думала желать...».....	48
Последний знакомый шахтёр	48
«И взорвались коллеги-поэты...».....	49
ГОРОДСКИЕ ЗАРИСОВКИ	50
«А бывает – в июле по коже мороз!...».....	50
«Разве может выразить язык...».....	50
Модно приговорённая с улицы Болотной	51
«Меня в Тайланде не ищи...».....	51
«Там, где дремлет июнь на рассвете...».....	53
В лифте	53
«Я – о берёзах им...».....	54
Форум для двоих	55
«Главком знаменитый...».....	55
«Для неё я «подругой» был верной...».....	56

«Он такой, как в мультфильме про Кешу...»	57
«Две дамы возраста преклонного стоят...»	58
Что в имени тебе моём	59
«Дёргал папы штаны и у мамы подол...»	60
ИЕРОГЛИФ БЕРЁЗОВЫХ ВЕТОК	61
«Небо всё в свинцовых дырах...»	61
«На задворках унылой деревни...»	62
«По голой роще...»	62
«Что случилось сегодня с рассветом...»	63
«Здесь никаких людских следов...»	64
«Ни чаша, ни лес и ни садик...»	64
«И вновь со дня на день не легче...»	65
«Дверь толкнув, на крылечко без тапочек...»	66
ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ – ОДНО	67
О любви к книге	67
«Встречаясь с героями книг...»	68
«Жизнь и поэзия – одно!..»	68
«Разве всё в письме расскажешь?..»	69
На открытии памятника 1889 года	70
«Вдали от Российской столицы...»	71
К 200- летию Лермонтова	72
«Письма классиков русских, великих...»	73
«На сцене маленькая фея лет шести...»	74
«После Белого хочется Фета...»	74
Вишнёвый сад 2	75
«В уголке красном снова читают...»	76
«Блажен, кто к этому привык...»	76
Рожденный 22 апреля	77
«Продираясь сквозь чащу убогих невежд...»	78
«Он, как будто в гримёрку со сцены...»	78

Запахи «Огней Кузбасса»	79
«Ступая за мудрым учителем следом...»	80
«Если б вдруг поэт явился...»	81
Не пишется	82
«Как птицы, пойманные в клетке...»	83
«В это время – Высокого солнца...»	84
«Проверну я со скрежетом гулким...»	85
«Приходит время камни собирать...»	86

**ББК 84(2Р=Рус)6
Ч-49**

Литературно-художественное издание

**ЧЕРНОПЯТОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
СЛОВНО РОДОМ БЫЛ ИЗ РАЯ...**

С Т И Х И

*Подписано в печать 14 февраля 2017 г.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 200 экз.*

**Отпечатано в типографии РПА «Ректаймс».
650001 г. Кемерово, ул. Черемховская, 1В.
Тел.: (384-2) 76-87-44**